

Будучи несовершеннолетним самцом, Чу Цзин довольно быстро нашел работу, соответствующую его привлекательной и покладистой внешности — официант в кондитерской.

Хозяйка заведения была нежной а-самкой. В обществе, где средняя продолжительность жизни насекомых достигает двухсот лет, несовершеннолетний Чу Цзин в глазах многих самок и а-самок выглядел совсем еще юным личиночным детенышем.

— О, мой сладкий, ты просто невероятно трудолюбив! — Вэйя, да поможет ей бог насекомых, призналась, что впервые видит столь прилежного маленького самца. Стоит ли говорить, что во всей Звездной Империи статус самцов давно превзошел статус самок: им даже не нужно было ничего делать, чтобы получить всё желаемое, достаточно было просто существовать и быть нахлебниками.

Чу Цзин, которого за всю жизнь никто и никогда не называл сладким, смущенно ответил:

— Благодарю за похвалу, хозяйка, это мой долг.

Он всего лишь убрал мусор, оставленный клиентами, а его уже превознесли до небес. По сравнению с прежними колоссальными нагрузками, нынешняя работа казалась ему легкой прогулкой.

— Сладкий, ты слишком скромен. Далеко не все самцы могут быть такими же обаятельными и вежливыми, как ты. — Чем дольше Вэйя, которой уже перевалило за сорок, смотрела на этого послушного и разумного малыша, тем сильнее в ней просыпалось давно забытое материнское чувство.

От этих проявлений материнской любви Чу Цзин чуть не вспотел.

А-самки и без того обожали сладкое, но после появления Чу Цзина поток посетителей увеличился в разы. Им хотелось не столько десертов, сколько полюбоваться на юного самца.

В Империи, где соотношение самцов и самок достигает один к ста, даже такой бедный и простодушный самец из народа, как Чу Цзин, пользовался огромным спросом.

— Он такой красавчик!

— Тсс, тише, — подруга прикрыла рот своей спутнице, — еще решат, что мы ведем себя как хулиганки!

Среди шепотков, доносившихся со всех сторон, слышались лишь восторженные отзывы. Если поначалу Чу Цзин краснел, то теперь научился просто не обращать внимания.

— Ваш манговый мусс, приятного аппетита.

Подав десерт, он почувствовал, как кто-то коснулся его ягодич. Ему показалось?

Эй, он вообще-то натурал! Нужно учитывать, что и а-самки, и самки обладают мужскими признаками, а многие самки и вовсе похожи на суровых вояк.

Кошмар, ну и мир. Неужели ему суждено стать геєм, имея душу натурала? Чу Цзин начал сомневаться в смысле своего существования.

— Привет, красавчик, не хочешь обменяться контактами в сети?

Это была горячая и смелая а-самка. А-самки были более женственны, чем самки, и пользовались особой популярностью у самцов этой эпохи.

Взглянув на нее, Чу Цзин мягко улыбнулся:

— Прошу прощения, гостя, но я еще несовершеннолетний самец.

Чтобы понять уровень развития общества, нужно изучать не только технологии, но и законы. Чу Цзин, прочитавший Закон о защите несовершеннолетних самцов в первый же день после прибытия в Империю, знал это правило наизусть.

— Простите за мою бестактность, господин, — пыл а-самки мгновенно остыл. Согласно первой статье закона, любые домогательства к несовершеннолетним самцам были строго запрещены.

Попрощавшись с ней, Чу Цзин вернулся к своим обязанностям. Однако на этой а-самке была форма, похожая на форму Университета Имперской Столицы. Как самец может не иметь достойного образования?

Даже став самцом, Чу Цзин не собирался пренебрегать силой знаний. Вместо того чтобы быть хрупким существом, которое зависит от самок, он хотел выжить в этом мире, полагаясь лишь на собственные силы.

Внезапно в зале начался шум.

Сквозь гам Чу Цзин услышал голос хозяйки:

— Господин Дельман, мы уже разведены! Умоляю, проявите милосердие, прекратите всё крушить! Вы же пораните других посетителей!

Раздался звон разбитой посуды.

— Проявить милосердие? Ха! С каких это пор мне нужно твое разрешение на то, чтобы вершить свои дела? — Высокомерный самец продолжал крушить всё вокруг. Осколки фарфора порезали открытую кожу Вэйи, и из раны потекла кровь.

— О боже, ну и грубиян! — в толпе послышались осуждающие шепотки.

Но, боясь юридических последствий, связанных со статусом самца, присутствующие самки не решались вмешаться и лишь беспомощно наблюдали, как негодяй издевается над а-самкой.

— Грубиян? Кто это сказал? Выходи! — Дельман, обладавший острым слухом, начал новую волну беспредела. Он — благородный самец, как смеют его называть грубияном?!

— Это я сказал, что ты грубиян.

Чу Цзин отодвинул напуганную а-самку себе за спину и встал лицом к лицу с дебоширом.

— Ты еще что за щенок? Небось, новый любовник моей бывшей? — Дельман со злобой посмотрел на Чу Цзина и Вэйю.

— О, ты сам признаешь, что она бывшая? А то со стороны это выглядит так, будто какой-то тиран среди бела дня грабит мирного жителя!

— Ха-ха-ха! — а-самки не сдержали смеха. Этот малыш был таким очаровательным.

— Я обвиню вас в клевете на самца и неуважении к нему! Ждите ареста! — Дельман пришел в ярость.

— Чу Цзин, — Вэйя украдкой подала ему знак, умоляя не злить Дельмана. Она знала, насколько привязчив ее бывший муж, и не хотела, чтобы этот юноша пострадал из-за нее.

Чу Цзин успокаивающе улыбнулся хозяйке:

— Прежде чем беспокоиться о моем аресте, подумай лучше, увидишь ли ты завтрашнее солнце.

Он решительно снял рабочий жилет, закатал рукава белой рубашки и направился к Дельману.

— Ты... что ты задумал? — Дельман занервничал.

Удар кулака о мышцы лица прогремел на весь зал. Чу Цзин был уверен: уложить этого хрупкого «цыпленка» одним ударом — проще простого.

— Вау, он такой очаровательный! — присутствующие самки никогда не видели, чтобы самцы дрались друг с другом, тем более ради защиты а-самки. Все они были пленены поступком юного самца.

Многие достали свои нейросети, засняли происходящее и выложили в сеть. Чу Цзин даже не подозревал, что стал настоящей сенсацией.

— Господин, нужно ли собрать полное досье на этого господина-самца... — Адъютант с беспокойством смотрел на экран своего начальника, где транслировалось видео, на котором юный самец, прозванный интернет-пользователями «жестоким сладким», избивает обидчика.

— Не нужно тратить время на пустяки. — Голос мужчины был низким, элегантным и завораживающим, подобно виолончели. Властное давление, накопленное за годы службы на высоких постах, ощущалось даже в его тоне. Звезды на погонах черного военного мундира подчеркивали его высокое положение.

— Прошу прощения за дерзость, — адъютант почтительно отступил, не смея больше лезть в личные дела начальника.

За десять лет совместной службы он никогда не видел, чтобы этот холодный и беспристрастный человек интересовался чем-то, кроме политических новостей.

Когда адъютант ушел, господин, известный как Дьявол-генерал, продолжал пристально смотреть на экран с изображением юного самца.

— Ты в конце концов станешь моим, мой маленький сладкий.

Шепот дьявола прозвучал тихо, подобно зову древнего дракона из бездны.

<http://bllate.org/book/21297/2159667>